

езда по железной дороге, ссуды на хозяйственное обустройство и на общекультурные нужды (строительство школ, церквей, дорог, колодцев), налоговые льготы и отсрочку от призыва в армию.

Основным видом помощи переселенцам были «домообзаводственные» ссуды, выдаваемые на хозяйственное и бытовое устройство. Средний размер этих ссуд в Томской губернии, в которую входила территория Алтайского округа, в период наиболее массовых переселений (1907–1909) в среднем не превышал 50–60 рублей на семью. Кроме того, с собой переселенческая семья привозила в среднем около 100 рублей, вырученных от продажи земли и имущества на родине. Между тем для полноценного хозяйственного устройства, по экспертным оценкам, переселенцам требовалось от 250 до 500 рублей на семью в зависимости от местности водворения². Поэтому очевидно, что основную часть средств, необходимых для хозяйственного и бытового устройства, переселенцы зарабатывали собственным трудом уже на новом месте.

Анализ демографических и хозяйственных показателей переселенческих хозяйств, отражённых в базе данных крестьянских хозяйств Алтайского округа, составленной нами на основе подворных анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года³, позволяет сделать вывод о том, что переселенцы придерживались определённой стратегии адаптации, которая должна была обеспечить успешность вживания в новую среду обитания.

Демографический аспект этой стратегии выражался в том, что в переселенческом движении преимущественно участвовали многоработные семьи, возглавляемые находящимися в наиболее деятельном возрасте домохозяевами, имевшие в своём составе молодых работников или рассчитывавшие на появление таковых в неотдалённой демографической перспективе. Семьи мигрантов в целом были более многочисленными, чем семьи старожилов: средняя людность переселенческой семьи составляла 6,3, а старожильской — 5,9 человека. 55,3 процента глав крестьянских семей, осевших на Алтае в годы столыпинской аграрной реформы, к 1917 году находились в наиболее трудоспособном возрасте — от 30 до 50 лет, а у переселенцев достолыпинского периода и старожилов этот показатель был более низким: 48,6 процента и 53 процента. Соответственно, среди столыпинских переселенцев меньшей была доля домохозяев в возрасте старше 60 лет — 13,3 процента, тогда как у более ранних переселенцев она достигала 20,8 процента, а у старожилов — 15 процентов.

Как показывают материалы переписи 1917-го, характерное в целом для состава мигрантских семей преобладание мужского населения над женским было более выраженным у столыпинских переселенцев (51,7% и 48,3%), нежели у мигрантов раннего периода

(50,9% и 49,1%), а у старожилов это соотношение было практически равным. Преобладание мужского населения в семьях мигрантов становится ещё более заметным, если из числа учтённых переписью 1917 года членов семей столыпинских переселенцев исключить тех, кто родился уже в Сибири: 52,7 процента против 47,3 процента. Мужская сила в переселенческих хозяйствах была востребована для подъёма целинных земель, к тому же, согласно действующему законодательству земельные наделы отводились крестьянским семьям по числу душ мужского пола.

Обратимся к группировке крестьянских семей по структуре родственных связей на основе типологии, предложенной В. А. Зверевым⁴, осуществлённой на основе анализа информации, содержащейся в части исследуемой выборки хозяйств, охватывающей 26 волостей западной части Алтайского округа, составлявших один из основных районов расселения столыпинских мигрантов на Алтае (Кулундинская и Барабинская степи). Она показывает, что хотя во всех поселенческих группах крестьян простая семья, состоявшая из супружеской пары с детьми, в 1917 году была преобладающим типом семейной организации, у столыпинских переселенцев её удельный вес был более высоким, чем у старожилов и переселенцев более раннего времени: 66,4 процента против 57,2 и 55 процентов. И, соответственно, доля сложносоставных семей (расширенных, сложных отцовских, сложных братских, линейных), состоявших из двух и более супружеских пар, у старожилов и более ранних переселенцев была выше, чем у мигрантов столыпинского периода. Более выраженное преобладание у столыпинских мигрантов простых по структуре семей подтверждается и тем, что доля одно-двухпоколенных семей у них была большей, чем у старожилов и переселенцев второй половины XIX века: 74,7 процента против соответственно 68,5 и 67,1 процента. Следовательно, в миграционном процессе участвовали хотя и многолюдные семьи, но с упрощённой структурой, стремившиеся облегчить своё обустройство в Сибири тем, что оставляли на попечение родственников на прежнем месте жительства стариков и инвалидов, выдавали замуж девушек, достигших брачного возраста.

Молодой и «многоработный» состав домохозяйств с преобладанием лиц мужского пола позволял переселенцам более эффективно использовать преимущества от семейной кооперации труда, преодолевать трудности, связанные с освоением целинных земель, возведением жилья и хозяйственных построек, а доминирование простых по структуре семей придавало хозяйствам мигрантов большую экономическую гибкость.

Механизм хозяйственной адаптации переселенцев включал более интенсивное по сравнению со старожилами использование

надельных и арендованных пахотных земель, выразившееся в расширении посевных площадей за счёт сокращения залежи и пара. Столыпинские переселенцы засевали в 1917 году 53 процента собственной и арендованной пахотной земли (проживавшие на новых местах менее трёх лет — до двух третей всей пашни), старожилы — лишь 45 процентов, а остальное оставляли под залежь и пар. В связи с этим в структуре расходов переселенцев, направляемых на техническое вооружение земледельческого производства, приоритетное значение имели затраты на техническую оснащённость пахотных работ. Об этом свидетельствует практически полное отсутствие в используемом переселенцами пропашном инвентаре самых примитивных орудий вспашки — сох (их доля в пропашном инвентаре в 1917-м в хозяйствах столыпинских переселенцев составляла лишь 1,3%, а в хозяйствах старожилов — 13,7%), а также широкое использование наиболее производительных орудий вспашки — буккеров. У переселенцев столыпинского периода их имели 7,4 процента посевных хозяйств, у старожилов — лишь 0,8 процента. При этом перепись зафиксировала более низкую обеспеченность переселенческих хозяйств другими видами сложного сельхозинвентаря, используемого на стадии уборки урожая, — молотилками, жатками, веялками.

Введение в хозяйственный оборот максимально возможного количества пахотных земель достигалось за счёт предельной мобилизации семейных трудовых ресурсов и интенсификации труда. Это проявлялось и в более широком использовании в переселенческих семьях женского труда в пахотных работах: в 1917 году в хозяйствах столыпинских переселенцев в них принимали участие 40 процентов всех женщин трудоспособного возраста, а у старожилов — лишь 24 процента. При этом в хозяйствах мигрантов с посевом до 4 десятин к пахотным работам привлекались 35,3 процента взрослых трудоспособных женщин, с посевом от 4 до 12 десятин — 42,9 процента, а с посевом свыше 12 десятин — 50,1 процента.

Модель экономического поведения переселенцев, ориентированная на интенсивное использование плодородия целинных земель, в сибирской прессе описывалась как хищническое использование земли, приводящее к истощению почв⁵. Однако такое хозяйственное поведение во многом определялось не субъективным «хищничеством» переселенцев, а объективными условиями адаптации, когда в условиях недостатка материальной помощи со стороны переселенческого ведомства мигранты должны были собственными силами зарабатывать средства для скорейшего бытового и хозяйственного устройства на новом месте. Важным источником заработка для многих переселенцев был и наём на работу в старожильские или более зажиточные пере-